

Марина Крамер

Ты все, что есть у меня

Москва
Т8 Rugram
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К77

Крамер, М.

К77 Ты все, что есть у меня / М. Крамер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 198 с.

ISBN 978-5-517-04359-7

Эта книга посвящается офицерским женам, которые в последние десятилетия разделили все, что выпало на долю наших защитников в Афганистане, Чечне, Карабахе, Грузии и других горячих точках. Она открывает иной мир, который все это время находился рядом со всеми нами и которого многие не хотят видеть, — мир совсем не для хрупкой женщины. Однако в этом мире есть место Чести, Совести, Дружбе и Любви.

Посвящается военным медикам последних войн и офицерским женам, которые часто были единственной поддержкой и опорой солдат и офицеров Российской Армии.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-04359-7

© Крамер М., 2021
© Enzh, художественное оформление, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Эта история случилась довольно давно — можно сказать, в прошлом веке. Написана она была тоже давно — в 2005 году, но много лет лежала в столе. К сожалению, прототип главного героя не дожил. Но я чувствую себя обязанной и благодарной ему за то, что он позволил своей жене рассказать мне все — даже то, о чем они говорили только между собой. Огромное спасибо им обоим за это. А еще — Сергею Трофимову (Трофиму) за разрешение использовать кусочек из его песни.

*Служил я не за звания
И не за ордена —
Не по душе мне звездочки
«По блату».
Но звезды капитанские
Я выслужил сполна —
Аты-баты, аты-баты.*

Сергей Трофимов.

...Не идет мне камуфляж. Никогда не могла понять, какой умник придумал, что женщина в военной форме привлекательна и интересна. Это только в кино длинноногие девахи так сексуально выглядят, что даже дух захватывает. Еще бы — юбочки выше колена, сапожки по ноге, чулочки и все такое... На деле все немного прозаичнее. Как можно казаться кому-то привлекательной в мешковатых брюках, в тяжелой куртке и огромных, просто неподъемных ботинках? А тельняшка? А плюс к тому — санитарная сумка с полной укладкой, да автомат, да два запасных рожка к нему? Посмотрела бы я на этих куколок с экрана... Конечно, кто угодно вправе возразить — мол, подгони

по фигуре, тут обрежь, там ушей, здесь сделай поуже. Возможно. Но мне некогда было думать об этом — я не в штабе сидела...

Я — военный фельдшер. Чего мне это стоило, знаю только я и еще мой муж. Мой не вылезавший из госпиталей долгих три года муж. Мой ротный. Мой Леха Кравченко. Именно из-за него я живу так, как живу.

Никто не мог понять, что связывает меня, молодую еще женщину, с усталым сорокалетним мужиком, прошедшим Афган и Чечню, видевшим такое, от чего мутится разум. Но я люблю его такого, какой он есть, и больше мне не надо никого и ничего на свете. Мой Леха. Мой ротный.

...Тогда, в девяносто восьмом, я только-только устроилась в военный госпиталь, хотя до этого работала в обычной городской больнице. Но так повернулась жизнь — предложили, пошла. Мне было двадцать пять лет...

Мы столкнулись в кабинете начальника госпиталя, куда я шла на «разбор полетов» за то, что банально врезала по наглой роже неоднократно пристававшего ко мне лейтенанта медицинской службы хирурга Басинского. Этот бравый резака в очередной раз вообразил себя голливудским жеребцом, от которого я просто по определению должна была прийти в восторг и кинуться на шею с криком: «Вася, я ваша навеки!». В мои планы это как-то не входило, и вот... Басинский подал рапорт начальнику, и шагаю я теперь на ковер за строгим выговором, как пить дать. Женщина — существо бесправное, а в армии — так тем более, чуть что — «сама виновата, тебя предупреждали, что скидок не делаем и т.д.», и это вполне стандартный ответ любого командира, словно мы только и делаем, что провоцируем мужчин на хамство и свинство! Но мне на это наплевать, я девушка решительная, могу сама за себя постоять.

В кабинете подполковника сидели двое — за столом, спиной ко мне, высокий военный, а сам начальник госпиталя, седой, довольно

пожилой уже мужчина, хмурясь, разглядывал какие-то бумаги, и что-то в этих бумагах ему не нравилось.

— Поймите, капитан, после такого ранения...

— Это было давно, — Господи, сказал, как отрезал, ну и голос!

— Да, не спорю, вас не комиссовали, но это вовсе не значит...

— Значит. Я — кадровый офицер, я не могу сидеть на диване, когда в мясорубку бросают сопливых необученных пацанов. Я — профессионал, мое место на войне, а не под юбкой у бабы!

Ничего себе, заявочка! Интересно, сейчас-то Авдеев заорет или нет? Он не заорал, молча подписал бумагу и протянул ее военному:

— Можете идти, капитан Кравченко. В конце концов, вы не мальчик, должны и сами понимать опасность и последствия своего ранения. Зачем я буду снова и снова повторять то, что вам наверняка говорили уже не однажды! Но имейте в виду — я был против.

— Спасибо, я учту ваше мнение, товарищ подполковник медицинской службы.

Военный поднялся со стула и пошел прямо на меня. Эти глаза... Я никогда не видела прежде таких усталых, ничего не выражавших глаз. Он посмотрел на меня и слегка улыбнулся, а я прилипла к дверному косяку, не в силах даже двинуться с места.

— Да, кстати, Марьяна, раз вы здесь, возьмите капитана Кравченко и сделайте ему прививку от гепатита, — заметил меня начальник.

— Есть, товарищ подполковник. Только я здесь по другому поводу...

— Капитан, подождите фельдшера в коридоре! — велел Авдеев. — Это много времени не займет.

— Да.

Капитан вышел, слегка отодвинув меня плечом.

— Кто это? — спросила я, забыв о субординации.

— Капитан Кравченко, десантник, мать его... Прошел Афганистан, два ранения, потом Чечня, и вот снова в пекло лезет. Сидел бы в учебке своей, так нет — патриотизм прет! Без него там не разберутся, в Чечне этой! — полковник в сердцах отшвырнул свою люби-

мую ручку и стукнул кулаком по столу. — Не понимаю я! Столько лет служу, а не могу понять...

— Дело военного — война, — изрекла я.

— Ну, в тебе-то это откуда? Ты же девушка, всех перебьют, за кого замуж пойдете?

— За Басинского. Этот в Чечню ни за какие плюшки не поедет. Хотя военный врач.

— Вот-вот, кстати, о Басинском, — снова перешел на официальный тон подполковник, вспомнив о причине моего визита. — Лейтенант подал рапорт — вы ударили его по лицу, назвали уродом и козлом. Догадываетесь, чем пахнет?

— Козлом и пахнет, товарищ подполковник. А еще строгим выговором с занесением, — я опустила глаза и приняла вид удрученный и раскаивающийся, однако в душе ничего подобного не испытывала, и при случае повторила бы и свои слова, и действия.

— Точно. Деточка, я, может, не в курсе чего-то, так вы скажите, разберемся, — Авдеев стал похож на моего дедушку, такой домашний, милый, хоть плачь.

— Товарищ подполковник, я думала, что в армии служат, как это ни банально звучит, настоящие мужчины, а лейтенант Басинский позволяет себе выходки замоскворецкой шпаны, что, как мне кажется, в военном госпитале просто недопустимо. Глядя на врачей, и пациенты начнут руки распускать. А у нас и так контингент не из спокойных, много контуженых, им не объяснишь...

— Да, вы правы, детка, но по лицу, да еще прилюдно... — подполковник покачал головой.

— Я признаю, что была неправа, товарищ подполковник. Скажите, как я должна поступить в следующий раз? — я не надеялась получить ответ сродни панацее от всех болезней, да и что мог посоветовать в этой ситуации пожилой начальник госпиталя?

— Ну, уж это! — развел руками Авдеев.

Догадавшись, что нагоняя уже не будет, я осторожно спросила:

— Я могу быть свободной, товарищ подполковник? Меня ждет капитан на прививку...

— Да-да, идите, Марьяна, и передайте лейтенанту Басинскому, чтобы явился ко мне в шестнадцать ноль-ноль.

Так-с, попал Васютка! Еще неизвестно, кому ты своим рапортом неприятности доставил — мне или, может, себе...

За дверью кабинета на стуле сидел капитан. Теперь у меня было время разглядеть его как следует — огромные плечи, обтянутые камуфляжной курткой, тугие бицепсы, крепкие запястья и широкие ладони. Ботинок на вытянутой вперед ноге был никак не меньше сорок шестого размера, да и сам капитан казался таким монументальным, основательным, что хоть сейчас на пьедестал. И глаза... Серые глаза, затемненные ресницами, на бронзовом от загара лице, перечеркнутом морщинами. Твердые, плотно сжатые губы под светлыми, выгоревшими усами... У меня снова что-то ухнуло и оборвалось внутри...

— Пойдемте со мной, товарищ капитан, — произнесла я.

— Ты за что летёхе анфас попортила? — поинтересовался он, поднимаясь и шагая за мной в процедурный кабинет.

— А вы откуда знаете?

— Дверь приоткрыта была.

— Было за что.

— Да уж понял я, что не форма его носа тебя не устроила. Приставал, что ли?

— А вам не все равно?

— Права. Просто уважаю таких, кто может отпор дать мужику, не боясь последствий.

Мы зашли в процедурку, я полезла в холодильник за вакциной, потом в шкаф за шприцем, не глядя на севшего на кушетку капитана, попросила:

— Рукав засучите. А лучше — снимите куртку, так удобнее будет.

Увидев его обнаженный бицепс, я замерла — ничего себе, ручка, так и иглу недолго сломать — это ж камни, а не мышцы!

— Коли быстрее, я уколов жутко боюсь, — признался капитан.

Я уколола чуть ниже татуировки — горы, небо, птицы какие-то и надпись внизу полукругом — «Афган — 87». На лице капитана не дрогнул ни один мускул, ну, еще бы! Не даром же меня прозвали «руки ангела» за мое умение ставить уколы безболезненно и незаметно. Чем, собственно, и горжусь.

— Все, одевайтесь. А правда, что вы в Чечню просились?

— Что я — мальчик, проситься? Это моя работа, я должен — я делаю, такое уж у меня правило.

Он оделся и пошел к выходу, задержавшись в дверях:

— Ну, прощай, ласточка! А, кстати, ты это правильно сказала — настоящие мужики только в армии.

Дверь за ним давно закрылась, шаги отзвучали в коридоре, а я все стояла у окна, сняв синюю шапочку, и ждала, когда же он выйдет во двор, чтобы еще хоть несколько минут посмотреть на этого человека. Зачем — даже не скажу, не знаю... Капитан Кравченко. Мой капитан Кравченко. Мой — потому что уже тогда я твердо знала, что так и будет.

У крыльца был припаркован «газик», около которого курили двое военных. Один, наголо бритый, облокотившись на капот, разглядывал что-то на асфальте, другой, светловолосый, невысокий, кидал семечки налетевшим прямо ему под ноги наглым госпитальным голубям. Кравченко подошел к военным, они оживились, похлопали его по плечу, сели в «газик» и укатали. Черт возьми, даже не оглянувшись... И почему ласточка, интересно?..

Через неделю я уже и думать забыла о капитане, только один раз мне приснилась почему-то его татуировка — горы, небо, птицы...

В мой выходной, совпавший с субботой, мы с подругой Юлькой сидели в кафе, отмечая ее повышение по службе — подругу назначили начальником отдела в налоговой инспекции. Честно сказать, если бы я была более закомплексована, чем я есть, то ни за что не пошла бы куда-то в людное место с такой женщиной, как Юлька. Ее финан-